

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

В.А. Беляев

Философия Рудольфа Эйкена

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1912. № 4. С. 495-515.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Философія Рудольфа Эйкена *).

3. *Своеобразный методъ Эйкена.* Въ феноменахъ общечеловѣческой духовной дѣятельности Эйкеномъ былъ найденъ относительно постоянный и устойчивый образъ духовной жизни. Но можно ли сказать, что въ этихъ феноменахъ открывается подлинная духовная жизнь, и намъ ничего болѣе не остается, какъ на ихъ основѣ установить ея содержаніе и ея существенныя свойства? Серьезныя сомнѣнія не позволяютъ сразу же утвердительно отвѣтить на этотъ вопросъ. Возможно ли и основательно ли по человѣческой жизни или даже по незначительной—сравнительно—ея области судить о цѣломъ, о всей духовной жизни въ полномъ ея объемѣ? ¹⁾ Конечно, духовная жизнь намъ извѣстна лишь въ формѣ человѣческой духовной жизни, но мы не можемъ быть увѣрены въ томъ, что этою послѣдней исчерпывается вся полнота духовной жизни вообще. Даже болѣе того; нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что духовная жизнь въ предѣлахъ человѣчества идетъ по ложному пути, является отпаденіемъ отъ истинной духовной жизни, искаженіемъ ея. Въ пользу такого предположенія говорятъ проникающія человѣческую жизнь противорѣчія, которыя, увы! не исчерпываются областію индивидуальнаго сознанія, но даютъ себя чувствовать и въ произведеніяхъ общечеловѣческой духовной жизни ²⁾. Итакъ судить о содержаніи духовной жизни вообще по тому, что намъ извѣстно о человѣческой жизни, не представляется возможнымъ. Гдѣ же выходъ изъ этого затрудненія и существуетъ ли такой выходъ? Такой выходъ Эйкенъ находитъ въ своеобразномъ методѣ изслѣдованія,

*) Продолженіе. См. мартъ.

¹⁾ Ploleg. стрр. 31—32.

²⁾ Тамъ же, стрр. 32—33.

который онъ имѣеть въ виду примѣнить къ феноменамъ чело-
вѣческой духовной жизни и съ помощью котораго онъ рас-
считываетъ восторжествовать надъ всѣми этими затрудненіями
и конструировать подлинную, несомнѣнную духовную дѣй-
ствительность.

Выясняя сущность своего метода, Эйкенъ противопоставляетъ
его, съ одной стороны, методу великихъ мыслителей XVII вѣка,
а съ другой стороны, методу Канта. Какъ мыслители XVII вѣка,
такъ и Кантъ поставили себѣ сходную съ Эйкеновской задачу
найти подлинную несомнѣнную дѣйствительность. Но первые
шли прогрессивнымъ путемъ, отправляясь отъ «несомнѣннаго
для нихъ пункта первоначальной дѣятельности» (сознанія) ¹⁾
и стараясь «къ нему все свести, чрезъ него все преобразо-
вать и изъ него все развить» ²⁾, тогда какъ Кантъ избралъ
регрессивный путь, исходя отъ двухъ всеобъемлющихъ фак-
товъ: факта опыта, съ которымъ имѣеть дѣло его теоретиче-
ская философія, и факта нравственного закона, съ которымъ
имѣеть дѣло его практическая философія ³⁾. За каждымъ изъ
этихъ методовъ Эйкенъ признаетъ извѣстную правоту и из-
вѣстныя положительныя заслуги. Заслуга философовъ XVII вѣка
состоитъ въ томъ, что они указали на сознаніе, какъ на есте-
ственный (*naturgegeben*) исходный пунктъ всякой филосо-
фіи ⁴⁾. Заслуга Канта состоитъ въ томъ, что онъ, въ отмѣ-
ченныхъ двухъ всеобъемлющихъ фактахъ, далъ необходимую
для философскаго изслѣдованія идею цѣлаго, чрезъ которую,
какъ бы чрезъ нѣкоторую цѣль, все разнообразіе связывается,
направляется и ограничивается ⁵⁾. Но поскольку и тотъ и
другой методы изъявляютъ претензіи на исключительное гос-
подство, они не могутъ достигнуть своей цѣли и порождаютъ
новыя сомнѣнія. Что касается метода философовъ XVII столѣ-
тія, то представляется сомнительнымъ, прежде всего, то, воз-
можно ли изъ одной первоначальной дѣятельности сознанія
вывести все фактическое разнообразіе. Кромѣ того, и свойства
сознанія оказываются довольно проблематичными: апріористы
сознаніе понимали такъ, эмпирики иначе, и соотвѣтственно
этому давали различное построеніе дѣйствительности. Но ни
у тѣхъ, ни у другихъ не было гарантіи за то, «входитъ ли

¹⁾ Эйкенъ всегда предпочитаетъ болѣе отвлеченный способъ выра-
женія болѣе конкретному.

²⁾ Proleg. стр. 36.

³⁾ Тамъ же, стр. 37.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 37.

туда (въ эту дѣйствительность) вся широта и глубина бытія» ¹⁾. Если методъ философовъ XVII вѣка оставлялъ подѣ сомнѣніемъ то, возможно ли изъ первоначальной дѣятельности сознанія вывести цѣлое во всемъ его разнообразіи, то методъ Канта не давалъ увѣренности въ томъ, охватываетъ ли его идея цѣлаго, представляемая упомянутыми двумя общими фактами, всю совокупность отдѣльныхъ явленій и процессовъ. Кромѣ того и самые эти факты подпадали сомнѣнію. «Въ самомъ дѣлѣ, ни въ коемъ случаѣ не было съ непоколебимою достовѣрностію доказано, что упомянутыя всеобъемлющія даты—опытъ и нравственный законъ—суть даты первичнаго характера, суть первоначальныя и несомнѣнныя проявленія духовной жизни. Какъ онѣ намъ непосредственно открываются, онѣ не что иное, какъ феномены наличной жизни, а подобные феномены допускаютъ различныя толкованія» ²⁾.

Для того, чтобы устранить всѣ эти недостатки и въ полной мѣрѣ осуществить поставленную задачу—найти подлинную и несомнѣнную дѣйствительность, необходимо одновременное употребленіе двухъ противоположныхъ методовъ—метода аналитическаго и метода синтетическаго ³⁾, при чемъ тотъ и другой методы, въ соотвѣтствіе съ основной точкой зрѣнія абсолютнаго идеализма, подвергаются значительному преобразованію, получая иное назначеніе и иную формулировку своихъ задачъ.

¹⁾ Тамъ же. ²⁾ Тамъ же, стрр. 38—39.

³⁾ „Для обоснованія цѣлостнаго содержанія (Inbegriff) духовной жизни, въ виду спутаннаго положенія дѣла, необходимо имѣть въ виду главнымъ образомъ два условія. Во-первыхъ, мы нуждаемся въ средствѣ испытать данную связь (т. е. извѣстный сложный феноменъ жизни) со стороны ея реальности и правоспособности (Rechtsbestand), возвести процессъ (Geschehen), минуя сомнительную стадію сознанія, къ такому пункту, гдѣ имѣются достовѣрные признаки подлинности или неподлинности“. Это долженъ сдѣлать анализъ. Но анализу долженъ быть обезпеченъ надежный исходный пунктъ, въ видѣ отчетливаго цѣлостнаго представленія подлежащей анализу дѣйствительности. Поэтому „не менѣе требуется ясное представленіе вполне опредѣленнаго общаго образа, представленіе, которое сообщаетъ всѣмъ деталямъ своеобразный характеръ, не зависящій отъ индивидуальныхъ взглядовъ и способностей“. Такое представленіе дается синтезомъ. „Первымъ методомъ мы ищемъ принципа оцѣнки, стремимся къ обезпеченію достовѣрности, вторымъ ищемъ принципа развитія, стремимся къ произведенію содержанія. Первый не можетъ начать свое дѣйствіе, прежде чѣмъ второй не представитъ ему предмета; синтезъ не можетъ ничего закончить, прежде чѣмъ анализъ не произведетъ своего испытанія“ (Proleg. стр. 52).

«Съ анализомъ обыкновенно связывается представленіе о разложеніи на малѣйшіе элементы., какъ будто бы проблема заключается преимущественно въ отношеніи между малымъ и большимъ». Но это очень узкая концепція задачи анализа. Если имѣть въ виду общій смыслъ этой задачи, «то она сводится не къ чему иному, какъ къ тому, чтобы достигнуть несомнѣннаго процесса (Geschehen) и, исходя изъ послѣдняго, понять данное цѣлое» ¹⁾. Но у насъ нѣтъ никакихъ оснований полагать, что такимъ несомнѣннымъ, первоначальнымъ и неизмѣннымъ является исключительно малое. Возможно, что этотъ первоначальный характеръ принадлежитъ дѣйствительности во всей ея цѣлостности. «Нисколько не исключается и общее дѣйствіе, въ качествѣ первоначальнаго процесса, и развитіе можетъ совершаться не столько въ направленіи отъ малаго къ большому, сколько отъ стадіи меньшаго развитія къ стадіи полного выраженія, какъ движеніе отъ цѣлаго къ цѣлому» ²⁾.

Но этимъ преобразование анализа у Эйкена не могло ограничиться. Въ зависимости отъ принятой имъ «внутренней точки зрѣнія», т. е. точки зрѣнія абсолютнаго идеализма, проблема аналитическаго метода у него должна была воспріять нѣкоторую специальную формулировку. Для обычнаго взгляда, чуждаго точки зрѣнія абсолютнаго идеализма, дѣйствительность характеризуется отсутствіемъ единаго центра, отсутствіемъ цѣлостности. Вся совокупность бытія для такого воззрѣнія распадается на двѣ неравныя части—съ одной стороны, познающій и дѣйствующій субъектъ, съ другой стороны, познаваемый и воспринимающій воздѣйствіе міръ. Очевидно, что въ такомъ случаѣ оцѣнка, которая, какъ мы видѣли, составляетъ основную функцію анализа, должна будетъ неизбежно носить относительный характеръ, будетъ ограничиваться указаніемъ значенія, какое одинъ элементъ имѣетъ для другого, одна часть дѣйствительности для другой. Объ абсолютной оцѣнкѣ, при томъ отсутствіи единства, какимъ характеризуется обычное воззрѣніе, не можетъ быть и рѣчи. Напротивъ, на почвѣ абсолютнаго идеализма, преодолюющаго противоположность познающаго «я» и внѣшняго міра, такая абсолютная оцѣнка не только вполне возможна, но оказывается единственной имѣющей смыслъ. Если вся дѣйствительность,

¹⁾ Тамъ же, стрр. 52—53.

²⁾ Тамъ же, стр. 53. .

или—что одно и то же—вся духовная жизнь, имѣетъ одинъ внутренній центръ, то ясно, что испытаніе, оцѣнка всякой части этой дѣйствительности можетъ заключаться исключительно въ сведеніи ея къ этому центру, къ этому корню духовной жизни. Такимъ образомъ, анализъ, на почвѣ абсолютнаго идеализма, неизбѣжно принимаетъ форму «редукціи» ¹⁾. Въ такой формѣ онъ долженъ быть примѣняемъ какъ ко всей совокупности духовной жизни, такъ и къ отдѣльнымъ ея феноменамъ ²⁾.

Однако и это опредѣленіе аналитическаго метода не является для Эйкена окончательнымъ. На почвѣ абсолютнаго идеализма дѣйствительно устраняется расщепленіе дѣйствительности на міръ внутренній и міръ внѣшній. Но это не значитъ, что двойственность субъективной и объективной стороны злѣсь исчезаетъ. Напротивъ, эта двойственность не только сохраняется, но признается за необходимую принадлежность всей сферы духовной жизни. Всякій психическій процессъ, какъ уже указывалось выше, необходимо имѣетъ соотвѣтствующую предметную сторону. Возьмемъ для примѣра сужденіе: «Въ этомъ, видимо, простомъ актѣ заключаются двѣ стороны: во-первыхъ, психическое осуществленіе, при помощи котораго процессъ развивается на жизненной почвѣ, и которое, на всемъ протяженіи, является его носителемъ, — функція; во-вторыхъ, утвержденіе и раскрытіе предметнаго отношенія, имѣющаго своеобразный смыслъ и подчиненнаго опредѣленнымъ законамъ, — предметное или практическое осуществленіе» (Leistung) ³⁾. Что справедливо относительно основныхъ и простыхъ формъ духовной жизни, какою является, напримѣръ, сужденіе, то же самое нужно сказать и въ отношеніи обширныхъ областей духовной жизни, относительно весьма сложныхъ ея комплексовъ. Примѣромъ можетъ служить научная система. «Что въ системѣ единая руководящая идея охватываетъ обширный матеріалъ, устраняетъ постороннее, сочетаетъ подходящіе элементы, упорядочивая, расчлѣняя и располагая ихъ по степенямъ, что чрезъ это возникаетъ своеобразная предметная связь,—все это характеризуетъ духовную жизнь съ одной стороны. Но система содержитъ не только предметное осуществленіе, она должна также возникнуть и существовать въ нашей душев-

¹⁾ Тамъ же, стрр. 54—55.

²⁾ Тамъ же, стр. 55.

³⁾ Тамъ же, стр. 59.

ной жизни (Seelenleben), какъ цѣлое. Такъ какъ это требуетъ своеобразнаго сцѣпленія представленій, развитія и перекрещиванія родовъ, сокращенія и взаимнаго включенія группъ идей, то изслѣдованію открывается новая сторона, которая сама по себѣ правоспособна и цѣнна, и только не должна стремиться къ тому, чтобы стать на мѣсто другой» ¹⁾).

Если, теперь, отмѣченная двойственность функціональной и прагматической сторонъ является неотъемлемымъ свойствомъ духовной жизни, если единство этой послѣдней осуществляется не иначе, какъ чрезъ преодоленіе такой двойственности, то очевидно, что анализъ, ставящій своею задачею испытаніе данныхъ феноменовъ со стороны ихъ реальности, долженъ принять характеръ выдѣленія и констатированія въ нихъ двухъ упомянутыхъ сторонъ, т. е. явиться въ формѣ «диремпціи» ²⁾. Однако при этомъ большее значеніе имѣетъ предметная сторона, ибо въ ней открывается неизмѣнная, недоступная какому-либо произволу дѣйствительность. «Предметная связь и предметный процессъ развивается, конечно, въ насъ и чрезъ насъ, но сознаніе не можетъ повернуть его въ ту или другую сторону... Если въ извѣстномъ обоснованномъ феноменѣ открывается своеобразное предметное осуществленіе, то послѣднее можетъ въ силу этого считаться за первоначальную и первичную дату. А чрезъ это—изслѣдованіе получаетъ твердую опору и можетъ уже шагъ за шагомъ порвать съ неустойчивымъ положеніемъ. Ибо разъ обезпечена извѣстная предметная связь, въ особенности если она обезпечена въ качествѣ стороны общаго дѣйствія (Gesamtaktes), то

¹⁾ Тамъ же, стрр. 63—64.

²⁾ Тамъ же, стр. 65. Плодотворность этого приѣма Эйкенъ старается пояснить на конкретныхъ примѣрахъ. Между прочимъ онъ указываетъ, какимъ бы образомъ можно было обосновать значимость религіи и морали. „При такого рода проблемахъ было бы важно (anhebend), согласно предлагаемому методу, спросить, имѣется ли опредѣленный предметный результатъ, обладающій своеобразнымъ содержаніемъ и своеобразною законмѣрностію, происходитъ ли характеристичное созиданіе и образованіе предмета (Vorgwurfs) за предѣлами всякой рефлектирующей дѣятельности; послѣ этого нужно бы было изслѣдовать функцію, и наконецъ перейти къ полному дѣйствію (въ которомъ функціональная и предметная стороны объединяются), дабы опредѣлить, можно ли здѣсь обнаружить такую дѣятельность, которая бы объединяла и проникала всю совокупность жизни“ (Proleg. стр. 67).

такая связь свидетельствуетъ въ пользу соответствующихъ функцій или группъ функцій» ¹⁾).

Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ такой преобразованный аналитическій методъ имѣетъ свои границы. Это выражается прежде всего, въ томъ, что онъ не можетъ создать нужнаго для него матеріала, но долженъ получить его въ готовомъ видѣ изъ другого источника. Затѣмъ,—и это самое главное—анализъ не можетъ выполнить то, что составляетъ главную задачу Эйкеновскаго изслѣдованія, именно, онъ не можетъ дать понятія о духовной жизни, какъ цѣломъ. Онъ можетъ установить извѣстную связь между феноменами духовной жизни, но дать, такъ сказать, наглядную картину цѣлаго онъ не въ состояніи. Эта задача можетъ въ полной степени быть выполнена лишь при помощи синтетическаго метода. Равнымъ образомъ только синтетическій методъ можетъ доставить необходимый матеріалъ для анализа. Съ обѣихъ этихъ сторонъ синтетическій методъ, такимъ образомъ, представляется, какъ необходимое восполненіе метода аналитическаго ²⁾).

Что касается сущности синтетическаго метода, то въ пониманіи ея Эйкенъ оказывается не менѣе оригинальнымъ, чѣмъ въ пониманіи сущности метода аналитическаго. Впрочемъ, вся оригинальность этого пониманія сводится къ тому, что Эйкенъ имѣетъ въ виду синтезъ идеальнаго совершенства какъ со стороны его качества, такъ и со стороны его объема. Въ первомъ отношеніи цѣлое, доставляемое синтезомъ, должно основываться на реальномъ единствѣ, имѣть въ своей основѣ единый актъ, быть, такъ сказать, единымъ устремленіемъ ³⁾). Во второмъ отношеніи, синтетическое единство не должно быть сочетаніемъ однѣхъ только идей, однихъ только теоретическихъ положеній, но должно охватывать всю духовную жизнь во всемъ богатствѣ и разнообразіи ея проявленій ⁴⁾). Совершенно понятно, что такое синтетическое единство можетъ быть осуществлено не при помощи дедукціи, не при помощи раціональных приѣмовъ. Вообще такой синтезъ не можетъ производиться въ рядѣ послѣдовательныхъ операцій, онъ могъ бы быть намъ данъ лишь въ мгновенномъ актѣ интуиціи ⁵⁾).

¹⁾ Тамъ же, стр. 66.

²⁾ Proleg. стрр. 66—67.

³⁾ Тамъ же, стр. 69: Синтетическій приѣмъ... едва ли можно открыть иначе, какъ на основѣ „всеобъемлющаго процесса“ (срвн. тамъ же, стр. 72).

⁴⁾ Тамъ же, стр. 69; срвн. стр. 73.

⁵⁾ Тамъ же, стрр. 72—73.

Но, разумѣется, такого идеальнаго синтетическаго единства намъ непосредственно не дано, ибо будь оно дано, то и самая проблема объ единствѣ духовной жизни, — проблема, съ которой имѣть дѣло Эйкенъ—никогда бы не возникла ¹⁾. Однако если законченнаго и полнаго синтеза въ данной намъ дѣйствительности не отерывается, то извѣстные намеки, указанія на такой реальный синтезъ мы въ ней, несомнѣнно, находимъ. Такіе намеки можно констатировать въ отдѣльныхъ эпохахъ культуры, въ исторіи отдѣльныхъ народовъ. Напримѣръ, жизнь древне-греческаго народа, несомнѣнно, имѣла своеобразный характеръ и этотъ своеобразный характеръ проникалъ всѣ ея стороны, сообщая всему разнообразію жизненныхъ проявленій свойство единства ²⁾. Поэтому можно вообще сказать, что духовная жизнь человѣчества фактически складывается во всеобъемлющія жизненные системы, проникнутыя единствомъ во всѣхъ своихъ деталяхъ. Къ такимъ всеобъемлющимъ жизненнымъ системамъ, чтобы отличить ихъ отъ системъ теоретическаго характера, Эйкенъ прилагаетъ особое названіе «синтагмы» ³⁾. Эйкенъ не ставитъ своею цѣлю дать исчерпывающее обозрѣніе всѣхъ исторически существовавшихъ синтагмъ: такое обозрѣніе было бы слишкомъ труднымъ по своей громадности предпріятіемъ. Онъ находитъ, что для его цѣли достаточно ограничить изслѣдованіе такими синтагмами, которыя дѣйствуютъ въ настоящее время ⁴⁾. Разсматривая современную жизнь во всемъ разнообразіи ея проявленій, Эйкенъ констатируетъ въ ней два основныхъ направленія, свидѣтельствующихъ о наличіи двухъ синтагмъ—натуралистически-механической и интеллектуалистически-ноэтической. «Первую надо выводить изъ механическаго пониманія природы, вторую изъ спекулятивной концепціи познавательнаго процесса, какъ процесса типическаго... Поскольку каждая претендовала на всю область духа, каждая хотѣла быть во главѣ всего движенія, должна была возникнуть упорнѣйшая борьба» ⁵⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 69.

²⁾ Тамъ же, стр. 70—71.

³⁾ „Именемъ синтагмы у насъ обозначается общій характерный процессъ, реально возникающій въ исторической дѣйствительности, стремящійся обнять все существованіе и пытающійся возвести на высшую ступень все непосредственно данное“ (Proleg. стр. 74).

⁴⁾ Тамъ же, стр. 82.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 83. Системами натурализма и интеллектуализма, очевидно, не исчерпывается все разнообразіе направленій современной

Послѣ того какъ дано опредѣленіе аналитическаго и синтетическаго методовъ, самъ собою намѣчается, въ своихъ основныхъ чертахъ, весь планъ Эйкеновскаго изслѣдованія. Въ его основѣ должно лежать координированное примѣненіе обоихъ названныхъ методовъ. Въ началѣ изслѣдованія долженъ, естественно, стоять синтезъ, ибо, какъ мы уже знаемъ, анализъ нуждается въ готовомъ матеріалѣ, и этотъ матеріалъ ему можетъ дать лишь предварительный синтезъ. Такой предварительный синтезъ, согласно воззрѣнію Эйкена на сущность этого метода, можетъ явиться лишь въ формѣ изложенія дѣйствующихъ въ настоящее время жизненныхъ системъ, или синтагмъ. Это изложеніе составляетъ первую часть изслѣдованія Эйкена ¹⁾. Послѣ этого, наличныя синтагмы, въ коихъ даны попытки универсальнаго синтеза, должны быть подвергнуты критическому испытанію, и въ этой критической работѣ главная роль принадлежитъ, конечно, анализу. Задача критики заключается, во-первыхъ, въ томъ, чтобы опредѣлить, дѣйствительно ли данная синтагма имѣетъ универсальный характеръ, на каковой она, уже по самому существу своему, всегда претендуетъ. Что фактически ни одна изъ наличныхъ синтагмъ такого универсальнаго характера не имѣетъ, съ очевидностію свидѣтельствуется уже то обстоятельство, что наличныхъ синтагмъ двѣ, а не одна, и свойственныя каждой изъ нихъ направленія во многихъ пунктахъ перекрещиваются и враждебно сталкиваются ²⁾. Но нужно еще показать, что данная синтагма и въ дальнѣйшемъ не можетъ пріобрѣсти такого универсальнаго характера, что она, по самой своей сущности, не способна обнять «весь міръ работы» ³⁾, т. е. всю совокупность феноменовъ общечеловѣческой жизни. Это и составляетъ существенную задачу критики. Для выполненія этой задачи, повидимому, достаточно бы было констатировать тѣ феномены, которые не обнимаются данной синтагмой, отмѣтить такіа «без-

жизни. Поэтому въ Grundlinien, гдѣ Эйкенъ, повидимому, имѣетъ въ виду дать болѣе обстоятельную картину современности, къ двумъ упомянутымъ жизненнымъ системамъ присоединяются еще три: религіозная, социальная и субъективистическая (стр. 4). Эти послѣднія системы остаются здѣсь безъ вниманія, поскольку собственное міровоззрѣніе Эйкена развивается, главнымъ образомъ, чрезъ противоположеніе жизненнымъ системамъ натурализма и интеллектуализма.

¹⁾ Proleg., стр. 83, внизу.

²⁾ Тамъ же, стрр. 84—85.

³⁾ Тамъ же, стр. 85,

спорныя даты», которыя оказываютъ «длительное противодѣйствіе» «единовластительству» синтагмы. Но дабы критика имѣла дѣйствительно убѣдительный и надежный характеръ, нужно еще показать, что противопоставляемыя синтагмѣ даты суть дѣйствительно «безспорныя даты», что онѣ являются прочными и подлинными феноменами духовной жизни. Это достигается чрезъ примѣненіе къ нимъ приемовъ аналитическаго метода, т. е. редукціи и диремціи, при помощи которыхъ, какъ мы знаемъ, по взгляду Эйкена, совершается испытаніе явленій духовной жизни со стороны ихъ подлинности и реальности. Только такія обезпеченныя предварительнымъ анализомъ даты могутъ быть противопоставлены синтагмѣ, въ качествѣ безусловной отрицательной инстанціи ¹⁾. Но этимъ противопоставленіемъ надежныхъ датъ данной синтагмѣ совершаемая помощію анализа критика не можетъ ограничиться. Критическая работа должна распространиться и на самую синтагму, войти, такъ сказать, внутрь ея. Аналитическое испытаніе должно быть примѣнено и къ составнымъ частямъ синтагмы, дабы опредѣлить, что къ ней дѣйствительно принадлежитъ и что не имѣетъ признаковъ подлинности и реальности, а является случайнымъ и субъективнымъ ²⁾.

Отсюда можно видѣть, что сочетаніе и совмѣстное примѣненіе аналитическаго и синтетическаго методовъ, на чемъ настаиваетъ Эйкенъ, не заключаетъ въ себѣ ничего парадоксальнаго, а является вполне цѣлесообразнымъ и естественнымъ. Каждый изъ нихъ служить опорой и необходимымъ восполненіемъ другого. «Тамъ, гдѣ синтезъ производитъ, построаетъ, расширяетъ проектируетъ, анализъ долженъ углубить, обезпечить, очистить, подтвердить... Безъ самостоятельнаго принципа и приема синтеза процессъ не можетъ возвыситься до воспріятія общаго характера, безъ такого же принципа и приема аналитическаго метода нельзя пойти далѣе простой попытки» ³⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 86.

²⁾ Тамъ же, стр. 87.

³⁾ Тамъ же, стр. 87.—Въ сущности методъ Эйкена представляетъ точную копию того пути, какимъ идетъ всякое живое мышленіе при изслѣдованіи какого-либо предмета. Мышленіе въ живомъ процессѣ изслѣдованія одновременно и синтезируетъ и анализируетъ. Анализъ долженъ возвести сложное явленіе къ простѣйшимъ общимъ принципамъ. Но анализъ оказался бы здѣсь безсильнъ, не смогъ бы справиться съ весьма сложнымъ разнообразіемъ изслѣдуемыхъ предметовъ, если бы ему на

Другимъ не менѣе характернымъ свойствомъ Эйкеновскаго метода служить то, что онъ имѣетъ дѣло съ фактами. Свою задачу Эйкенъ имѣетъ въ виду разрѣшить путемъ наблюденія надъ человѣческой жизнью, путемъ углубленія въ самый жизненный процессъ. Такимъ именно путемъ, т. е. путемъ непосредственнаго наблюденія, онъ имѣетъ въ виду обрисовать дѣйствующія въ настоящее время жизненные системы. Такимъ же путемъ совершается и критика этихъ системъ. Примѣняемая Эйкеномъ критика не есть критика теоретическая, а «критика реальная». «Здѣсь выступаютъ не мнѣнія противъ мнѣній, но одни данныя противъ другихъ данныхъ; здѣсь не партіи и «точки зрѣнія» ведутъ между собою борьбу..., но работа мысли служить имманентной реальной критикѣ процесса (Geschehen), самоиспытанію человѣческаго развитія» ¹⁾. Такимъ образомъ и критика Эйкена въ своей основѣ есть не что иное, какъ наблюденіе надъ развитіемъ жизни, надъ жизненнымъ процессомъ. И собственное міровоззрѣніе и жизнепониманіе Эйкена, подготовкой къ которому служить вся предшествующая критическая работа, получается опять, какъ результатъ наблюденія надъ фактическимъ развитіемъ жизни, надъ проникающими духовную дѣйствительность направленіями и теченіями ²⁾.

помощь не являлся синтезъ. Послѣдній напередъ конципируетъ, какъ бы предвосхищаетъ искомые принципы и, давая, съ точки зрѣнія этихъ принциповъ, объясненіе дѣла, чрезъ то указываетъ путь анализу. Разумѣется, такое предвосхищеніе искомаго имѣетъ гипотетическій характеръ, его конструированіе нуждается въ испытаніи и провѣркѣ, т. е. въ помощи анализа. Возможно и совершенно ошибочное обобщеніе и построеніе. Это, конечно, неудача. Но такой результатъ не обезцѣниваетъ въ полной мѣрѣ изслѣдованія. Онъ показываетъ, что истину слѣдуетъ искать въ иномъ направленіи, должны быть сдѣланы новыя попытки, въ которыхъ анализу опять долженъ предшествовать синтезъ, однако зависящій отъ результатовъ перваго. Аналогичный путь, какъ мы увидимъ, указываетъ и Эйкенъ своему изслѣдованію.

¹⁾ Proleg. стр. 88.

²⁾ Конечно, въ философіи Эйкена сильно даютъ себя чувствовать и чисто теоретическія точки зрѣнія. Такъ въ основѣ констатируемыхъ имъ въ современной дѣйствительности жизненныхъ системъ (синтагмъ) натурализма и интеллектуализма лежитъ, прежде всего, противоположность чисто теоретическихъ направленій. Равнымъ образомъ и способъ развитія каждой изъ этихъ системъ свидѣтельствуетъ о преобладаніи теоретическаго элемента предъ всѣми прочими. Безспорно, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ нѣкоторымъ отступленіемъ отъ строго реальнаго метода, съ укло-

Третьимъ существеннымъ свойствомъ Эйкеновскаго метода является его противоположность методу психологическому. «Послѣдній разсматриваетъ духовные процессы, какъ состоянія субъекта; въ томъ, что имѣетъ мѣсто въ индивидуумѣ и какъ оно въ немъ происходитъ, онъ видитъ всю наличность духовнаго бытія» ¹⁾. Какъ мы уже знаемъ, Эйкенъ почву индивидуальнаго конкретнаго сознанія призналъ ненадежной и перенесъ изслѣдованіе на надъиндивидуальные феномены духовной жизни. Для него вмѣсто вопроса о значеніи духа въ индивидуумѣ, долженъ явиться вопросъ о значеніи отдѣльнаго индивидуума въ духовной жизни. Изслѣдованіе Эйкена имѣетъ дѣло не столько съ душой, ψυχή, сколько съ духомъ, πνεῦμα, и потому методъ этого изслѣдованія можетъ быть названъ, по противоположенію къ психо-логическому, ноо-логическимъ ²⁾.

4. *Жизненная система натурализма*. Какъ уже не разъ упоминалось выше, въ современной дѣйствительности Эйкенъ усматриваетъ присутствіе двухъ противоположныхъ жизненныхъ системъ—системы натурализма и системы интеллектуализма.

Сущность натурализма заключается въ убѣжденіи, что зерно реальности лежитъ во внѣшнемъ мірѣ и что внутренній міръ составляетъ продолженіе внѣшняго ³⁾. Къ такому убѣжденію человѣкъ приводится научнымъ познаніемъ природы, которое Эйкенъ считаетъ за «типъ натуралистической жизненной системы» ⁴⁾. Научное познаніе природы положило конецъ перенесенію во внѣшній міръ человѣческихъ переживаній и показало независимость этого внѣшняго міра отъ нашихъ чувствъ и стремленій, симпатій и антипатій ⁵⁾. Въ

неніемъ въ сторону теоретическаго изслѣдованія. Однако, строго говоря, такое преобладаніе теоретическихъ точекъ зрѣнія до известной степени можетъ быть согласовано съ принципами Эйкена. На теоретическія построенія, на пути, проложенныя теоретической работой мысли, Эйкенъ въ правѣ смотрѣть, какъ на факты духовной жизни. Равнымъ образомъ можетъ разсматриваться, какъ фактъ, глубокое вліяніе теоретическихъ направленій на всѣ стороны духовной жизни. Поэтому Эйкенъ могъ бы сказать, что давая теоретическому элементу преобладающее, основное значеніе, онъ считался съ фактическимъ состояніемъ духовной жизни.

¹⁾ Proleg., стр. 98.

²⁾ Тамъ же, стрр. 98—99.

³⁾ Die Einheit, стр. 7. Нужно имѣть въ виду, что все изслѣдованіе ведется на основѣ „внутренней точки зрѣнія“, и потому выраженіе „внѣшній міръ“ не должно быть понимаемо въ строгомъ смыслѣ.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 8.

⁵⁾ Тамъ же, срвн. стр. 12.

этомъ процессѣ отрезвленія человѣческой мысли нужно различать двѣ послѣдовательныя стадіи: на первой стадіи изъ порядка природы были устранены всѣ внѣшнія ему силы—будь то человѣкъ или Богъ—и были приложены старанія объяснить все содержаніе природы исключительно изъ имманентныхъ ей силъ; при этомъ въ пониманіе этихъ силъ удерживался первобытный антропоморфизмъ ¹⁾. На второй стадіи и эти остатки антропоморфизма были устранены. Последнее совершилось лишь въ XVII вѣкѣ въ системахъ представителей такъ назыв. механическаго міровоззрѣнія, при чемъ научная мысль въ этомъ процессѣ прошла чрезъ три послѣдовательныя ступени. Во-первыхъ, всѣ формы дѣйствительности были сведены къ опредѣленнымъ основнымъ и первичнымъ элементамъ. Во-вторыхъ эти первичные элементы были надѣлены движеніемъ, каковое разсматривалось, какъ ихъ первоначальное свойство, какъ изначальный феноменъ природы, не допускающій какого-либо вывода или объясненія. Въ третьихъ, весь процессъ природы былъ истолкованъ, какъ прогрессирующая complicatio первичныхъ элементовъ бытія въ безконечномъ пространствѣ и безконечномъ времени, а это позволяло все подчинить принципамъ механическаго объясненія. Кратко—отмѣченныя ступени могутъ быть охарактеризованы, какъ анализъ, законъ (механическій, опредѣляющій взаимодействіе подвижныхъ элементовъ) и развитіе (ведущее къ универсальной механизациі) ²⁾.

Это чисто теоретическое міропониманіе послужило основаніемъ для перестройки всей области духовной жизни человѣка на новыхъ началахъ. Въ этомъ процессѣ Эйкенъ также различаетъ двѣ стадіи, соотвѣтствующія тѣмъ, чрезъ которыя прошло теоретическое міровоззрѣніе ³⁾. Во-первыхъ, духовная жизнь преобразуется на основѣ имманентности и универсальности. Это совершается благодаря пробужденію духовной самодѣятельности, примѣры коей представляютъ Лютеръ въ религіи и Декартъ въ философіи. Это новое направленіе не могло примириться со старымъ, унаслѣдованнымъ отъ Ср. Вѣковъ дуалистическимъ жизнепониманіемъ. Признаніе особаго потусторонняго міра для людей новаго времени должно было казаться необоснованнымъ допущеніемъ, пола-

¹⁾ Тамъ же, стр. 9.

²⁾ Тамъ же, стр. 10—12.

³⁾ Тамъ же, стр. 13.

гающимъ невозможное расщепленіе бытія. Человѣкъ новаго времени хотѣлъ признавать реальнымъ и дѣйствительнымъ только то, что лежитъ въ предѣлахъ его жизненнаго круга, что доступно его мысли. Идея *имманентности* дѣлается, такимъ образомъ, незыблемымъ принципомъ новаго жизнепониманія ¹⁾.

Параллельно съ устраненіемъ изъ области человѣческой жизни всего трансцендентнаго шло соединеніе различныхъ сторонъ ея въ одну цѣлостную систему. Одностороннее преобладаніе какой-либо области духовной жизни надъ всѣми другими, напримѣръ, религіозной (какъ это было въ Ср. Вѣка), теперь не могло имѣть мѣста и представлялось искаженіемъ существованія, суженіемъ его сферы. Всѣ проявленія духовной жизни, искусство, наука, политика и т. д. для человѣка новаго времени получаютъ самостоятельное значеніе. Единство между всѣми ними достигается не подчиненіемъ однихъ другимъ, а подчиненіемъ всѣхъ ихъ единому цѣлому, чрезъ поставленіе ихъ въ связь съ «такой идеей, которая все себѣ равномѣрно подчиняетъ, каждому предоставляетъ одни и тѣ же права. Эта идея заключается въ культурѣ, въ задачѣ *универсальнаго* развитія жизни чрезъ самодѣтельность *человѣка*» ²⁾.

На второй стадіи натуралистическаго жизнепониманія преобразованная, въ согласіи съ принципами имманентности и универсальности, духовная жизнь включается въ процессъ природы, подчиняется законамъ этой послѣдней. «Ядро духа натурализмъ видитъ въ такомъ процессѣ, который развивается, примыкая непосредственно къ окружающему міру, который слѣдуетъ тѣмъ же законамъ, какъ и вся природа, и который совершается вполне самостоятельно безъ всякаго участія сознанія. Дѣло представляется въ такомъ видѣ, какъ будто въ нѣдрахъ самаго духа скрывается природа — природа, благодаря которой устанавливается надежная связь со всею совокупностью бытія. Что же касается того, что до сихъ поръ казалось зерномъ жизни — ряда субъективныхъ состояній, то они получаютъ теперь значеніе простаго послѣдствія, значеніе эпифеномена подлиннаго процесса. Противоположность субъективной и объективной сторонъ, раскалывавшая бытіе на двѣ половины, преодолевается, по-

¹⁾ Тамъ же, стрр. 13—15.

²⁾ Тамъ же, стрр. 15—16.

скольку всякое движеніе жизни въ субъектѣ связывается съ вещами, поскольку поллинымъ должно считаться только то, что стоитъ съ ними въ прочной связи. Не ощущенія, какъ внутренніе процессы, но раздраженія, вызываемыя соприкосновеніемъ со средой, образуютъ здѣсь стержень духовнаго существованія. Духъ принадлежитъ природѣ, и то специфическое, что онъ производитъ, лежитъ въ предѣлахъ природы. Задача жизни заключается въ томъ, чтобы найти и развитіе отношеніе къ средѣ; напротивъ, исчезаетъ всякій самостоятельный и самоцѣнный внутренній міръ, всякое дѣйствіе духа въ силу собственныхъ основаній и собственной инициативы. Если въ обычной дѣйствительности мы находимъ такой міръ, то это всего лишь закоренѣлое заблужденіе сознательной жизни—заблужденіе, запутывающее человѣка среди призраковъ; освобожденіе отъ такого заблужденія, открытіе нитей, связующихъ духъ съ природой, впервые приводитъ его къ корнямъ его силы и общаетъ всему существованію неизмѣримое возвышеніе»¹⁾.

Такимъ образомъ, натуралистическая жизненная система ставитъ себѣ трудную, можно сказать, парадоксальную задачу—изгнать, исключить изъ области духа все субъективное, все психическое. Чтобы показать, насколько такая задача натурализмомъ разрѣшается, Эйкенъ обращается къ отдѣльнымъ моментамъ натуралистическаго жизнепониманія и рассматриваетъ достигнутые при этомъ результаты. Основные моменты натуралистическаго жизнепониманія совпадаютъ съ тѣми, чрезъ которые проходитъ теоретическое научное міровоззрѣніе, и суть, во-первыхъ, анализъ, разлагающій сложныя образованія на простые элементы, во-вторыхъ, законъ, опредѣляющій движеніе, и въ-третьихъ, развитіе въ безконечномъ пространствѣ и безконечномъ времени, приводящее къ универсальной механизаци²⁾.

Если обратиться къ историческому опыту человѣчества, то повидимому, приходится констатировать полный успѣхъ натурализма въ отношеніи всѣхъ трехъ упомянутыхъ моментовъ его развитія. Вся область духовной жизни можетъ быть распредѣлена по тремъ главнымъ сферамъ, каковы: индивидуальное существованіе, общественная жизнь и культурная работа,

¹⁾ Тамъ же, стр. 17—18.

²⁾ Тамъ же, стр. 18; срви. выше, стр. 508.

какъ она является предъ нами въ хозяйствѣ и правѣ, наукѣ и искусствѣ, морали и религіи; въ каждой изъ этихъ сферъ натурализмъ пришелъ, повидимому, къ удовлетворительному выполненію своей задачи ¹⁾).

Что касается перваго момента—анализа, разложенія на простые элементы сложныхъ формъ жизни, выступающихъ для непосредственнаго сознанія, какъ единства, то въ этомъ отношеніи натурализмъ, безъ сомнѣнія, вызвалъ могущественное движеніе. «Разрѣшеніе традиціонныхъ единствъ, выступленіе малаго и малѣйшаго послѣдовало въ обширныхъ размѣрахъ и повсюду оказалось весьма плодотворнымъ». Начало этого движенія можно видѣть уже въ томъ преимущественномъ вниманіи ко всему малому и элементарному, которое такъ отличаетъ культуру новаго времени. «Подобный поворотъ сказывается одинаково въ области психической, общественной и культурной». Въ такомъ вниманіи къ малому еще не было прямого признанія механизма, но оно естественнымъ образомъ вело къ нему, внося путаницу, изъ которой механизмъ представляетъ легкій выходъ. «Разъ малое со своимъ разнообразіемъ выступало рядомъ со всеобъемлющимъ единствомъ, то, казалось, два ряда явленій, двѣ ступени дѣйствительности стояли одна подлѣ другой. Здѣсь нужно было найти прочное отношеніе, ясную картину, и повидимому, такое единство достигается, если одно элементарное получаетъ самостоятельность, и чрезъ сочетаніе производитъ всякую связь» ²⁾).

Такіе механическіе принципы находятъ себѣ примѣненіе во всѣхъ трехъ намѣченныхъ выше областяхъ духовной жизни: индивидуумѣ, обществѣ и культурной работѣ.

Что касается индивидуальной сферы, то это движеніе въ сторону механизма всего ярче выражается въ попыткахъ современныхъ психологовъ «составить всю наличность душевной жизни изъ молекулярныхъ ощущеній или представлений, достигнуть лучшаго пониманія сложныхъ образованій и большей власти надъ ними чрезъ объясненіе ихъ, какъ комбинацій элементовъ, противопоставить молекулярной физикѣ молекулярную психологію» ³⁾).

Въ социальной жизни механическое направленіе выражается въ признаніи права и цѣнности за отдѣльными индивидуумами,

¹⁾ Тамъ же. ²⁾ Тамъ же, стрр. 19—20.

³⁾ Тамъ же, стрр. 20—21.

что составляет отличительную особенность новаго времени. «Индивидуумъ-атомъ становится источникомъ и носителемъ всякой жизни, чувственно-естественное существованіе каждаго въ отдѣльности дѣлается единственной ареной духовнаго процесса». Но социальныя связи чрезъ это не ослабѣваютъ. Раздѣленіе труда и вырастающая отсюда зависимость одного человѣка отъ другого, а также развивающаяся на основѣ независимости индивидуума свободная ассоціація связываютъ людей другъ съ другомъ, можетъ быть, прочнѣе, чѣмъ церковная или государственная власть. вмѣстѣ съ тѣмъ и индивидуумъ оказывается въ самой тѣснѣйшей зависимости отъ социальной среды: подъ ея вліяніемъ вырабатываются его первичныя задатки, подъ ея вліяніемъ происходитъ и вся его дѣятельность ¹⁾).

Въ цѣломъ культуры характеризующее натурализмъ направленіе сказывается устраненіемъ всякаго іерархическаго подчиненія отдѣльныхъ областей культуры другимъ, признаніемъ за каждой изъ нихъ полной самостоятельности и, наконецъ, дифференціаціей, совершающейся въ ихъ собственныхъ нѣдрахъ,—дифференціаціей, примѣромъ коей можетъ служить научная спеціализація. Такъ «вырастаетъ вѣкъ позитивности и спеціализація, который всѣ задачи видитъ въ единичномъ, въ общемъ же усматриваетъ простую подготовку или даже сокращеніе единичнаго. Только единичный результатъ признается здѣсь надежнымъ и объективнымъ, наиболѣе общія идеи, принципы, по возможности, устраняются, какъ дѣло субъективнаго мнѣнія и бесполезнаго спора» ²⁾).

Такимъ образомъ, первый моментъ натуралистическаго жизнепониманія—анализъ сложныхъ формъ на простые составные элементы—, повидимому, нашелъ для себя полное или почти полное осуществленіе. Но натуралистическое жизнепониманіе, для своего успѣха, должно пройти и еще дальнѣйшую стадію—стадію закона, опредѣляющаго взаимодействіе первичныхъ элементовъ. Натурализмъ не могъ ограничиваться простымъ разложеніемъ сложной формы духовной жизни на первичные элементы; для того, чтобы эти послѣдніе были истинными носителями дѣйствительности, они должны непосредственно производить движеніе, при чемъ это движеніе должно обнимать все человѣческое существованіе. Оказывается

¹⁾ Тамъ же, стрр. 21—22.

²⁾ Тамъ же, стрр. 22—23.

ли натурализмъ и на этой стадіи такимъ же побѣдоноснымъ, какъ на первой? Повидимому, это слѣдуетъ признать. Какъ мы видѣли, вся трудность заключается въ томъ, чтобы найти такую силу, такое движеніе, какое было бы изначальною принадлежностію основныхъ элементовъ. И натурализмъ, повидимому, счастливо преодолеваетъ эту трудность, ибо въ такъ называемомъ самосохраненіи, въ стремленіи продолжать свое существованіе и можно видѣть упомянутую первичную силу, первичное движеніе. «Такое самоутвержденіе не есть результатъ какой-либо воли, не есть задача, а также и не средство къ какой-нибудь цѣли, но просто данный, не подлежащій измѣненію фактъ, столь же не подлежащій измѣненію, какъ и стремленіе тѣла продолжать движеніе въ одномъ и томъ же направленіи все далѣе и далѣе, пока не послѣдуетъ отклоненія со-внѣ» ¹⁾.

Дабы убѣдиться въ томъ что эта первичная сила самоутвержденія охватываетъ всю полноту человѣческаго существованія или, по крайней мѣрѣ, способна сдѣлать это, достаточно обратиться къ разсмотрѣнію соціальной жизни. Такъ какъ натурализмъ отказался отъ взгляда на я, какъ на нѣчто отдѣльное, самостоятельное, но выводитъ всѣ свойства индивидуума изъ его отношеній къ средѣ, то принципъ самоутвержденія въ рукахъ натурализма изъ принципа раздѣленія обращается въ принципъ солидарности. «Я, находящее свое развитіе лишь въ общеніи съ другими, должно все далѣе и далѣе нести чело-вѣка за тѣсныя предѣлы личнаго интереса». «Въ общемъ сцѣпленіи вещей благополучіе каждаго въ отдѣльности на дѣлѣ оказывается связаннымъ благополучіемъ всѣхъ другихъ». Что напряженность индивидуальныхъ интересовъ не мѣшаетъ образованію прочныхъ соціальныхъ связей, объ этомъ съ особенной ясностью свидѣтельствуетъ хозяйственная жизнь. «Обоснованіе работы и соціальныхъ отношеній на интересахъ индивидуумовъ составляетъ характерный признакъ современнаго хозяйства». ²⁾

Разрѣшая все въ систему отношеній первичныхъ элементовъ, во взаимодействіе присущихъ имъ силъ, натурализмъ разумѣется, не могъ примириться со всѣмъ тѣмъ, что стоитъ внѣ этой системы отношеній, что претендуетъ на абсолютное значеніе. Такія претензіи могли быть предъявлены и дѣйствительно предъявлялись съ двухъ сторонъ; со стороны субъекта

¹⁾ Тамъ же, стр. 24.

²⁾ Тамъ же, стр. 25—26.

и со стороны объекта. Поэтому натурализм ведет борьбу какъ съ чистымъ субъектомъ, такъ и съ чистымъ объектомъ, вводя и тотъ и другой въ механическую систему отношеній ¹⁾).

Чтобы достигнуть этого въ отношеніи субъекта, натурализмъ стремится вывести все содержаніе сознанія, вплоть до самыхъ высшихъ и утонченныхъ формъ, изъ ощущеній, изъ результатовъ непосредственнаго соприкосновенія со средой. И эта трудная задача натурализму, повидимому, удастся, во-первыхъ, чрезъ подведеніе высшихъ формъ сознанія подъ понятіе потенціальной силы, потенціальныхъ движеній ²⁾ и во-вторыхъ, чрезъ примѣненіе здѣсь идеи развитія въ предѣлахъ безконечно долгаго времени ³⁾).

Не менѣе побѣдоноснымъ оказывается натурализмъ и въ борьбѣ съ абсолютнымъ объектомъ; и въ этомъ отношеніи натурализму удалось создать мощное движеніе. Міръ трансцендентныхъ объектовъ, признававшихся со временъ Платона, съ теченіемъ времени перестаетъ интересовать человѣчество. Въ имманентномъ процессѣ жизни, отличающемся характеромъ цѣлостности, единства и прогресса, человѣкъ находитъ то, что прежде искалъ въ трансцендентной вещи ⁴⁾). Такое отрицаніе неизмѣнныхъ, безусловныхъ величинъ и цѣнностей находитъ себѣ выраженіе во всѣхъ областяхъ современной жизни. Оно обнаруживается, напримѣръ, въ утилитаризмѣ, релятивизмѣ, а также въ предпочтеніи настоящаго момента предъ всѣми другими, такъ что прошедшее и будущее оцѣниваются со стороны ихъ значенія для настоящаго ⁵⁾).

Свое завершеніе жизненная система натурализма находитъ въ механизированіи духовной жизни, т. е. въ отрицаніи за ея основными элементами какихъ-либо первоначальныхъ присущихъ имъ качествъ и въ объясненіи всего разнообразія этой жизни изъ однихъ различій времени и мѣста, на основаніи такъ называемой ассоціаціи представленій ⁶⁾). Конечно, для примѣненія механической точки зрѣнія въ области духовной жизни встрѣчаются крупныя затрудненія, съ одной стороны, въ необходимомъ и всеобщемъ характерѣ нѣкоторыхъ нашихъ идей (какова, напримѣръ, категорія причинности), а съ дру-

¹⁾ Тамъ же, стр. 27.

²⁾ Тамъ же, стр. 29—30.

³⁾ Тамъ же, стр. 28.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 36—37.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 37—38.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 38—39.

гой стороны, въ цѣлесообразной дѣятельности и свободѣ воли. Но для объясненія перваго натурализмъ можетъ сослаться на предшествующую эволюцію человѣчества, на фактъ унаслѣдованія извѣстныхъ ассоціацій, которыя, передаваясь въ безконечномъ рядѣ поколѣній, приобрѣтаютъ такую прочность, что кажутся первичными, а не приобрѣтенными ¹⁾). Что же касается свободы воли, то съ нею натурализмъ можетъ не считаться, такъ какъ самая идея свободы весьма нелѣпа и неправдоподобна ²⁾). Наконецъ, въ пользу механизма, повидимому, свидѣтельствуетъ и исторія, которая показываетъ, что случайными и слѣпыми силами часто создается нѣчто, имѣющее видъ разумнаго и преднамѣреннаго ³⁾).

Мы рассмотрѣли натурализмъ въ его главныхъ и существенныхъ моментахъ. Теперь остается дать общій очеркъ духовной дѣйствительности, какою она является для натуралистическаго жизнепониманія.

Духовная жизнь для натурализма есть продолженіе природы. Специфическія свойства духа, каковы сознаніе и разумъ, для натурализма есть лишь сопутствующее явленіе мірового процесса, возникающее въ силу своеобразныхъ отношеній и своеобразнаго взаимодействія первичныхъ элементовъ природы ⁴⁾). О душѣ, какъ какомъ-то единствѣ, о душѣ, какъ отдѣльномъ существованіи, для натурализма не можетъ быть и рѣчи, разъ, съ его точки зрѣнія, всѣ психическіе процессы возникаютъ изъ отношеній между элементами природы. По той же причинѣ натурализмъ отвергаетъ и продолженіе психическаго существованія за предѣлами опыта, т. е. не признаетъ безсмертія души ⁵⁾). Истолковывая все содержаніе духовной жизни по образу природы, натурализмъ, конечно, не могъ признавать какую-либо свободную дѣятельность, не могъ допускать какую-либо инициативу духа. «Дѣйствіе производится не человѣкомъ, а въ человѣкѣ» ⁶⁾).

Все это, конечно, знаменуетъ суженіе области духовной жизни, стѣсненіе ея границъ. Но зато въ этихъ узкихъ предѣлахъ духовная жизнь приобрѣтаетъ несомнѣнныя выгоды. Во-первыхъ, она получаетъ свойство разнообразія, такъ какъ основные элементы, признаваемые натурализмомъ,

¹⁾ Тамъ же, 41.

²⁾ Тамъ же, стр. 42.

³⁾ Тамъ же, стр. 43.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 46.

⁵⁾ Тамъ же, стрр. 46—47.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 47.

допускають безчисленне мно́жество соче́таній, можуть прои́зводити неисчерпаемое богатство формъ. Во-вторыхъ, духовная жизнь получаетъ въ натурализмъ большую полноту и цѣлостность. «Различныя эпохи (Zeitabschnitte) становятся членами единой цѣпи, и что пространственно стоитъ одно подлѣ другого, оказывается связаннымъ между собою тысячу разнообразныхъ нитей». Наконецъ, въ-третьихъ, включая духовную жизнь въ процессъ природы, натурализмъ устраняетъ тотъ дуализмъ внѣшняго и внутренняго міра, которымъ было проникнуто традиціонное жизнепониманіе, и такимъ образомъ, все разнообразіе бытія подводитъ подъ одну основную форму ¹⁾).

Натуралистическое направленіе сказывается соотвѣтствующимъ образомъ во всѣхъ развѣтвленіяхъ духовной жизни. Въ области соціальной жизни натурализмъ все выводитъ изъ взаимодѣйствія индивидуальных силъ и индивидуальных интересовъ; такія начала, какъ народный духъ, какъ духовное единство человѣчества, натурализмомъ безусловно отрицаются ²⁾). Исторія для натурализма есть чисто механическій процессъ ³⁾). Въ области морали и права натурализмъ производитъ реалистическое направленіе ⁴⁾). Что касается религіи, то она натурализмомъ совершенно устраняется; то же самое можно сказать и о философіи ⁵⁾). Не остается безъ вліянія со стороны натурализма и искусство, гдѣ это вліяніе находитъ себѣ выраженіе въ такъ назыв. натуралистическомъ направленіи ⁶⁾). Наконецъ, вліяніе натурализма простирается и на науку; послѣдняя, въ силу этого вліянія, ограничиваетъ свою задачу установленіемъ связей между отдѣльными явленіями, не занимаясь вопросомъ о внутреннемъ характерѣ этихъ связей ⁷⁾ *)).

В. Бѣляевъ.

Редакторъ, профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи

Николай Сагарда.

¹⁾ Тамъ же, стрр. 47—50.

²⁾ Тамъ же, стр. 52.

³⁾ Тамъ же, стр. 54.

⁴⁾ Тамъ же, стрр. 55 и 57.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 56.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 57.

⁷⁾ Тамъ же, стрр. 58—59.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки